

Б. Н. ТАРАСОВ

**КНИГИ А. ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ» И
В. ТИССО «РОССИЯ И РУССКИЕ:
ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ»
В КОНТЕКСТЕ МИФОВ И СТЕРЕОТИПОВ
О РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ**

В статье рассматриваются разные грани культурно-исторической и идеологической предвзятости, влияющие на формирование стереотипного восприятия на Западе общественной и государственной жизни в России.

Ключевые слова: культурные стереотипы, образ России в западном сознании, Россия и Европа

В номере 39 газеты «Русь» появилась заметка «Новая книга г. Тиссо», которая принадлежала перу Виктора Тиссо (1845–1917). Автор был уроженцем Швейцарии, редактором клерикальной газеты “Gazette de Lausanne”, в которой иронически освещал всё, кроме католической религии. Большим успехом пользовалась его книга “Путешествия в страну миллиардов”, где карикатурно изображалась Германия, которую не обогатили полученные от Франции миллиарды. Перу В. Тиссо также принадлежат книги: “Искусства в Швейцарии”, “В поисках счастья”, “Пруссаки в Германии”, “Путешествия в аннексированные страны”, “Вена и венская жизнь”, “Мистерии Берлина”, “Путешествие в страну цыган”, “Неизвестная Венгрия”, “Русские и немцы”, “Влюбленная Германия”, “Прусская секретная полиция”, “Китай”, “Достопримечательности Северной Германии”, “Живописная Африка”, “Неизвестная Швейцария” и др.

Книги В. Тиссо, написанные увлекательным языком, пользовались широкой популярностью, о чем свидетельствует количество упомянутых в начале заметки их переизданий.

Автор заметки противопоставляет книгу Виктора Тиссо “Россия и русские” небылицам и мерзостям, “заведомой лжи и умышленным искажениям”, которые часто встречаются в зарубежных сочинениях и публикациях о России. Исторически сложившаяся на Западе тенденция такого восприятия по-разному проявлялась в XIX веке. Рост влияния российской державы в Черноморском бассейне и на Ближнем Востоке постоянно вызывал подспудное сопротивление европейских стран, которые противопоставляли этому

экономическое, политическое давление и антирусскую идеологическую пропаганду. Особую активность проявляли английские политики, которые при каждом повороте событий на Балканах приписывали России захватнические замыслы и создавали из нее образ врага. Они во многом использовали воображаемую “русскую угрозу” для дальнейшего расширения своих колониальных владений под лозунгом “защиты” их безопасности. Подобные приемы в книгах и газетах накладывались на памфлетно-карикатурные изображения страшного “захватчика”, “тирана”, “петербургского чудовища”, “жестокого татарина”, какими нередко представлялись русские цари и их подданные. В английском парламенте раздавались оскорбительные выпады против Николая I и Екатерины II, “чудовищной бабки чудовищного императора” и даже “разнузданной проститутки”. Еще в 1812 году Е. Д. Кларк в книге “Travels in Various Countries” (“Путешествие в разные страны Европы, Азии и Африки...”) вводит весьма распространенный образ кнута как обобщающего символа России, словно предваряя интонации знаменитой книги А. де Кюстина “Россия в 1839 году”: “Император колотит первого из своих придворных, князя и бояре бьют своих рабов, а те — своих жен и детей. Бичевание в России начинается еще до восхода солнца, и на всем протяжении этой огромной империи, во всех слоях населения палка работает с утра до вечера” [McNally, 1958, s. 88].

Страх перед возраставшим могуществом России и возможным объединением славян под эгидой русского царя служил одним из источников формирования фантастических образов русского варвара или славянского Чингисхана, который якобы угрожает завоеванием всему Западу и даже представляет опасность для всего человечества. Жупел панславизма стал особенно популярным на немецкой земле. В 1841 г. Н. И. Надеждин писал из Вены, что «со всех концов Германии бьют тревогу; распускают слухи, подозрения, страхи; проповедуют всеобщее ополчение против какого-то страшилища, окрещенного страшным именем “панславизма”» [Москвитянин, 1841, с. 515]. Автор изданной в 1843 г. в Лейпциге анонимной книги “Slaven, Russen, Germanen. Ihre gegenseitige Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft” (“Славяне, русские, германцы. Их взаимоотношения в настоящем и будущем”) подозревает за термином “панславизм” столько тайных тенденций со скрытыми политическими целями, что стремится «замарать его нечистотами, изобразить его в виде зловещего страшилища, окутанного в “северную ночь”, и неразрывно связать его в своем распаленном воображении с русским кнутом и сибирскими заснеженными полями. А ведь эти мужи, которые с такой беспримерной яростью нападают на панславизм, принадлежат в Германии как раз к партии, которая называет себя “либеральной”, к той партии, которая с несказанным воодушевлением ратует за идею “германского единства”, “единой объединенной Германии”, “великой немецкой нации”» [Славяно-германские связи; 1969; с. 46].

О распространенности подобных “мнений иностранцев о России” (этими словами названа соответствующая статья А. С. Хомякова) свидетельствуют и личные впечатления отечественных путешественников. “Нас считают гуннами, грозящими Европе новым варварством, — говорили в 1835 г. студенты профессорского института (В. С. Печерин, М. С. Куторга, А. И. Чивилев и др.,

побывавшие в Германии и Франции). — Профессора провозглашают это с кафедр, старясь возбудить в слушателях опасения против нашего могущества” [Никитенко, 1955, с. 173]. Такие настроения совпадают с выводами из отчета III отделения за 1841 г.: “Против России сильно предубеждены в Германии. Источником недоброжелательства к русским почесть можно, с одной стороны, предания старинной политики германских народов, с другой — зависть, внушаемую величием и силою нашей Империи, и мысль, что ей провидением предопределено рано или поздно привлечь в недра свои все славянские племена, и наконец, злобу против России партии революционеров, которые беспрестанно появляющимися в Англии, Франции и Германии паквилями, изображая Россию самыми черными красками, гнусно клеветою стараются вселить к ней общую ненависть народов” [Мильчина, Осповат, 2000, с. 546–547].

О своеобразии “черных красок” (“небылиц” и “мерзостей”, говоря словами автора комментируемой заметки) в европейской печати XIX века можно судить по лексическому анализу метафорического описания в них разных сфер российской действительности: “Для страны — бескрайняя степь, леденящий полярный круг, Сибирь; для подданных — казаки, киргизы, калмыки, башкиры, татары, курносые, узкоглазые; для династии и царей: Танталов род, смесь рабства и деспотизма, народоубийца, лицемер, персонифицированное зло; для общественной сферы — варварство, кнут, нагайка, запах сала и дегтя; для отношений к соседям — дремлющий великан, распластавшийся гигант, чудовище, хищная птица, борьба между светом и тьмой, солнечным пеклом и ледяным холодом”. По словам немецкого исследователя Д. Гро, весь XIX в. на Западе шла “идеологическая борьба против России под девизом борьбы с деспотией, развития против стагнации, культуры с варварством” [Славяно-германские исследования, 2000, с. 349].

На страницах французской печати обсуждалась тема русской угрозы. Такие подозрения “нас в стремлении захватить весь мир, в желании задушить цивилизацию и превратить Европу в казачий или башкирский стан” П. А. Вяземский называл банальными обвинениями, имеющими хождения на улицах и в газетах Парижа и созданными для того, чтобы напугать и позабавить зевак. Речь, однако, шла не столько об испуге и забавах зевак, сколько о влиянии на реальную политику. Так, граф Ш. Ф. де Монталамбер, пэр Франции и католический публицист, прилагавший немало усилий для поддержания польской эмиграции в ее противостоянии с Россией, писал о последней как о предмете лести для одних, неосведомленности для других, инстинктивного страха для всех, как о стране, которую “мы, не колеблясь, объявляем наибольшим врагом всего, что нам еще осталось спасти от христианского общества” [Тарле, 1906, с. 26]. Примером распространенных во Франции публичных представлений о России может служить ее карикатурная история — “Драматическая, живописная и карикатурная история Святой Руси”, иллюстрированная Г. Дорэ и наполненная картинками нагаек, кнутов, кровавых следов от пыток, лежащих «пачками» на карточных столах рабов, которых проигрывают и выигрывают их хозяева. . . [Histoire dramatique, 1854] О подобных представлениях свидетельствует и А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому из Парижа: “Les mystères de la Russie” (“Тайны России”)

вышла только первая тетрадка с ж... ми в русских банях. Девушке в руки взять нельзя, и Смирнова не могла показать брошюры Елене Мещерской. <...> Автор тот же Fournier (Фурнье) (M. Fournier, автор изданной в 1844 г. в Париже брошюры “Russie, Allemagne et France” — “Россия, Германия и Франция”), что собрал вранье о России в одной книжке. Очень злого не будет, вероятно, а просто дрянь — всякая всячина из печатных и салонных дразгов» [Остафьевский архив князей Вяземских, 1889, с. 286]. О том, как французская печать питала не только политические умы, но и поэтическое воображение, можно судить по стихам В. Гюго «Карта Европы»:

О русские! Народ, бредущий в тундре снежной,
В Санкт-Петербурге — раб, раб — в тундре безнадежной,
Сам полюс для него стал черною тюрьмой;
Россия и Сибирь, — о царь! тиран кровавый! —
Два края скорбные чудовищной державы:
Один — Насилие, Отчаянье — другой!
[Гюго, 1928, с. 61]

В Европе XIX века раздавались, тем не менее, и другие голоса. Во Франции Ф. Р. Шатобриан, хотя и опасался “русской угрозы”, все-таки признавал за сильной Россией христианскую и цивилизующую роль на Востоке и надеялся извлечь пользу из союза с ней для своего государства. Поэт и политический деятель А. Ламартин, писатель О. де Бальзак, философ Л. Г. Бональд в разной степени признавали восходящую мощь России или выступали за союз с ней. С меньшими сомнениями приподнимал “уголок завесы” над великим будущим России А. де Токвиль в книге “*Démocratie en Amérique*” (“Демократия в Америке”), когда писал об этих двух странах как неожиданно оказавшихся на авансцене мировой истории и в первом ряду среди иных народов: “. . . все остальные народы, кажется, уже понемногу достигли очерченных им природой пределов и должны лишь их сохранять; эти же находятся в постоянном росте: все другие остановились и продвигаются вперед тысячными усилиями; и только эти двигаются легким и быстрым шагом по пути успеха, границу которого еще невозможно обозначить <...> Их отправная точка и пути различны; тем не менее каждый из них, по-видимому, призван таинственным замыслом Провидения взять в свои руки судьбы половины мира” [Tocqueville, 1951, p. 430–431].

В том же духе высказался в Германии Ф. В. Шеллинг после русско-турецкой войны, завершившейся Адрианопольским договором: “России <...> суждено великое предназначение, и никогда она еще не высказывала своего могущества в такой полноте, как теперь; теперь в первый раз вся Европа, по крайней мере все благомыслящие смотрят на нее с участием и желанием успеха; жалеют только, что в настоящем положении её требования, может быть, слишком умеренны” [Киреевский, 1830, с. 115]. По словам Н. А. Мельгунова, беседовавшего с Ф. В. Шеллингом, тот “имеет о России высокое понятие и ожидает от неё великих услуг для всего человечества” [Мельгунов, 1839, с. 181]. Другой философ, Ф. К. Баадер, полагал, что подобно тому, как Россия избавила Европу от наполеоновского господства, высокий дух православной Церкви способен помочь ей освободиться от идей Французской революции

и антихристианского материализма. И Ф. Шлегель предполагал в “славянском ожидании” начало “совершенно новой эпохи” в Европе. Он следовал за И. Г. Гердером, видевшим в возможном объединении славян великое будущее и благотворное воздействие их духа и культуры “по всей ныне погруженной в сон Европе” [Гердер, 1959, с. 324–325]. Весьма показательно и высказывание Г. Гейне: “Все, что алармисты сочиняли до сих пор об опасности, которой подвергает нас чрезмерная мощь России, — сплошная глупость <...> Если сравнить в смысле свободы Англию и Россию, то и самый мрачно настроенный человек не усомнится, к какой партии примкнуть. Свобода возникла в Англии на почве исторических обстоятельств, в России же — на основе принципов...” [Гейне, 1956–1959, с. 225–226].

Среди разнообразных (в сочетании положительных и отрицательных акцентов) сочинений, с которыми можно сравнить «новую книгу г. Тиссо», особо выделяются в контексте доминировавших мифов и стереотипов путевые впечатления А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Эти впечатления связаны с его более чем двухмесячным пребыванием в России летом 1839 г. и с «перевариванием» западных идеологических стереотипов и страхов, достоверных и недостоверных сведений о стране «северных варваров» из различных печатных источников, устных бесед, анекдотов, слухов и т. п. По словам А. И. Герцена, из всей русской жизни в обзоре автора оказалась лишь одна треть, в описании которой есть яркие и меткие наблюдения. С точностью отдельных наблюдений в этой одной трети, касающихся аристократических придворных и чиновничьих кругов или бездумной подражательности Западу, соглашались Николай I, А. Н. Бенкендорф, В. А. Жуковский, М. П. Погодин, П. А. Вяземский и многие читатели «России в 1839 году».

Отмеченные достоинства «книги господина Кюстина» не перевешивали многочисленных ее изъянов, обусловленных методологией и личностью автора, который, не зная русского языка, истории, литературы и культуры, наспех проезжал большие расстояния, избегал разговоров с представителями разных сословий, неточно излагал факты, но при этом проецировал узкий круг сведений и впечатлений на огромный масштаб страны, отделял царя от народа отождествлял «фасадность» придворного окружения с сущностью всей нации, превращал повторяющиеся скороспелые суждения в глобальные категорические и метафорические «обобщения». По мнению автора, — Россия — это «пустыня без покоя и тюрьма без досуга», «государство, где нет никакого места счастью», она «возникла лишь вчера, и история ее богата одними посулами», а «единственное достоинство русских — покорность и подражание», они — «скопище тел без душ». Более того, «русская цивилизация еще так близка к своему истоку, что походит на варварство. Россия — не более, чем сообщество завоевателей, сила ее не в мышлении, а в умении сражаться, то есть в хитрости и жестокости <...> Рим и весь католический мир не имеют большего и опаснейшего врага, нежели император российский. Рано или поздно в Константинополе, под покровительством православных самодержцев, единовластно воцарится схизма...» [Кюстин, 2000, с. 439, 435].

Подобные умозаключения А. де Кюстину диктовало не стремление к истине, а своеобразное мифотворчество, превращающееся в памфлет. О. де Бальзак, познакомившийся с замыслом книги, в письмах к Э. Ганской от

3/15 марта и 21 июня/3 июля 1840 г. назвал ее «страшной», а Ж. А. Шницлер, автор сочинений о России, — «намеренно злой» и притом «остроумной». Кюстин осознавал задачу своего сочинения в военной терминологии (как «бой с колоссом», с которого необходимо сорвать маску при малом количестве боеприпасов), а также признавался в навязчивых идеях и грезах болезненного воображения. При таких подходах, установках и состояниях сознания любая страна может быть представлена в соответствующем освещении. Как замечал Я. Н. Толстой, «славную книгу мог бы сейчас написать о Франции кто-нибудь из русских, в отместку за книгу о России маркиза де Кюстина: стоило бы только перечислить все обвинения, которыми осыпают друг друга различные партии; стоило бы только воспроизвести все то, что высказывается в печати о беспорядках, безнравственности, корыстолюбии, недобросовестности и даже бесчеловечности французов. И действительно, никогда, быть может, не совершалось столько преступлений, сколько их совершается с некоторых пор в городе, именуемом ими столицей культурного мира, да и вообще по всей Франции, впавшей в ту глубочайшую развращенность, которая ежедневно сказывается в ужасающих, приводящих в содрогание преступлениях...» [Литературное наследство, 1937, с. 603]. Можно было бы добавить к «высказываниям печати» и исторические явления: религиозные войны, колдовские процессы, восстания угнетенного народа, революционный террор и т. д.

Подобные доводы *tu quoque* (ты тоже — лат.) естественно возникали сами собой, не затрагивая мировоззренческих и методологических предпосылок книги. И именно усечено-памфлетная и «романическая» методология, выделяющая из многоликой и противоречивой социально-исторической реальности «живописные» факты, отрывающая их от целостного контекста, направляющая на них яркий луч света и выдающая их за полноту картины и истины (методология, свойственная разного рода «художникам», риторам, ораторам, идеологам, пропагандистам), становилась ясной более глубоким читателям. П. А. Вяземский подчеркивал: «Автор путешествия, хоть он и пробыл в России слишком мало времени для того, чтобы достать достаточный документальный материал для написания добросовестной и поучительной книги, должен был, однако, увидеть здесь то, что видят здесь почти все, и что видят почти всюду: добро по соседству со злом; пороки и добродетели; добрые намерения, извращаемые при их воплощении в жизнь; тайную и непрерывную борьбу между слабостями и страстями человеческого сердца и вечными принципами истины, добра и красоты, борьбу, верх в которой берет то одна, то другая сторона» [Вяземский, 1992, с. 81]. А. де Кюстин же, по заключению П. А. Вяземского, употребил свой ум и талант для сочинения толстенного с «оттенком партийности» четырехтомного «романа», наполненного, грезами, намеками, «белой и черной магией», смесью ложного пафоса и морализаторства, скандальности и философских обобщений, религии и политики, исторических фактов и сплетен.

Отметив методологические и личностные особенности книги, П. А. Вяземский и многие другие ее критики оставили без внимания отмеченную Тютчевым в письме к жене от 14 июля 1843 г. замороженность автора архитектурой Московского Кремля и православных храмов (нечто подобное испытал более четверти века назад Наполеон), церковным пением, некото-

рыми чертами характера русских, таинственным величием страны, которое его страшит и одновременно восхищает [Кожин, 1999, с. 164–169]. По его впечатлению, Россия на всем огромном протяжении «внимает голосу Бога» и являет собой «удивительное государство»: «...никто более меня не был потрясен величием их нации и ее политической значительностью. Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившегося на старом театре мира, не оставляли меня на протяжении всего моего пребывания в России» [Кюстин, 2000, с. 20].

Подобные мысли озадачивали многих читателей. Например, К. К. Лабенский замечал: «...как ни странно, г-н Кюстин, утверждая на одной странице, что мы обречены на гибель, на другой немедленно прибавляет, что мы безмерно сильны и способны еще раз явить миру зрелище великого нашествия» [Новое литературное обозрение, 1994, с. 137]. А. Я. Булгаков в письме к П. А. Вяземскому от 22 декабря 1843/3 января 1844 г. восклицает: «И черт его знает, какое его истинное заключение, то мы первый народ в мире, то мы гнуснейший!» [Там же, с. 124]. К. А. Фарнгаген фон Энзе в письме к П. А. Вяземскому от 28 декабря 1843/9 января 1844 г. констатирует, что сквозь ненависть ревностного католика «у автора проступают, быть может, помимо его воли, выводы весьма лестные как для нации, так и для правительства; прежде всего, сам император предстает на страницах этой книги в качестве фигуры величайшего масштаба, и этот образ оказывается тем более лестным, что нарисован рукою явного недоброжелателя <...> вдобавок, господин де Кюстин безусловно искренен; он передает дело в ложном или извращенном свете, но лишь потом, что сам обманут» [Там же, с. 137].

Под «обманом» К. А. Фарнгаген фон Энзе имеет в виду мнения русских либералов (П. Б. Козловский, А. И. Тургенев, Н. И. Тургенев), которые, по его словам, «с удовольствием изображают Россию в самом мрачном свете», смысловые акценты и лексика которых в этом изображении («деспотизм», «рабство», «азиатский народ и т. п.») отчасти совпадают с таковыми в зарубежной печати и которые в частных беседах с маркизом в определенной степени переформировали точку зрения будущего путешественника, а в целом с наибольшим удовольствием встретили его книгу. Последняя, писал 19/31 июля 1843 г. Н. И. Тургенев брату, «носит на себе отпечаток истины в главном характере того, что он описал. Подробности могут быть неточны, но сущность русского быта справедливо и точно изображена и в ярких чертах <...> Что книга эта будет полезна и для Европы и для России, в том не сомневаюсь <...> Русские будут обязаны взглянуть в это зеркало: отражение их образа конечно устрасит их: но вина не зеркала, а оригинала» [Там же, с. 120–121].

Подобные оценки возрождаются у ряда современных отечественных исследователей, повторяющих, что автор «России в 1839 году» может ошибаться в частностях, но точен в целом, верен по сути, и согласно цитирующих, например, мнение своего зарубежного коллеги [Tarn, 1985, p. 518–519], что у Кюстина «страшные картины якобинского деспотизма» оттеняют «еще более страшные картины деспотизма царского, российского» [Мильчина, Осповат, 2000, с. 512].

Кюстиновское мифотворчество, нередко склоняющееся к карикатуре или

шаржу, но принимаемое за исторический анализ, было широко использовано в период «холодной войны» [Мяло, 1996, с. 89–95]. Необходимо подчеркнуть, что использование на Западе кюстиновского усечено-гипертрофированного образа «варварской» и «деспотичной» России в идеологических и политических целях соседствовало со стремлением более объективно оценить его книгу. Так, американский исследователь Дж. Ф. Кеннан хотя и склонен отождествлять описанную маркизом Россию Николая I с Россией Сталина и Брежнева, все-таки вынужден признать, что тот увидел лишь «одну Россию» и не увидел «другую», в которой проявились «высокие интеллектуальные и духовные качества русского народа» [Kennan, 1971, p. 124]. Французский исследователь М. Кадо раскрывает особенности писательской манеры А. де Кюстина, когда тот ограничивается «живописными набросками, не имеющими большого значения», прибегает к «широким обобщениям, отделенным от увиденных вещей» или злоупотребляет свободой эпистолярного стиля: в результате, например, «у западного читателя, может сложиться впечатление, что Николай — это новый Петр Великий, но также и новый Иван Грозный. Кюстин в совершенстве владеет такими намеками и инсинуациями» [Cadot, 1967, p. 190]. По убеждению М. Кадо, для объективного отношения к труду путешествовавшего маркиза следует учитывать и его психологическое своеобразие: «Современный читатель, конечно, не станет искать исторических уроков и наставлений в «России в 1839 году»: он более заинтересуется патологическим влечением Кюстина к сценам ужаса и жестокости. Только психолог мог бы в достаточной мере описать и объяснить столь очевидный случай садомазохизма. Но, на наш взгляд, невозможно понять «Россию в 1839 году», не акцентировав эту глубокую наклонность автора книги» [Ibid; p. 197].

Для понимания «книги господина Кюстина», которая, по выражению М. Кадо, в некоторых отношениях напоминает «черный роман», важно вернуться к отмеченной выше завороченности автора религиозностью, величиим и мощью русского народа, государства, тайну которых он не стремится разгадать, а, напротив, как бы заслоняется от них, растворяет их в негативной беллетризованной публицистике, всюду выделяя и подчеркивая в своих размышлениях и «историях» прямо противоположные стороны ничтожества и пустоты национального русского бытия. Министр народного просвещения С. С. Уваров, готовя так и не осуществленный проект фундаментального историософского опровержения сочинения французского путешественника, вопрошал по этому поводу: «...если бы общество, насчитывающее 60 миллионов человек, было устроено так, как утверждает автор, и на тех основаниях, какие он ему приписывает, оно не смогло бы просуществовать и суток. Сам же факт, что оно существует, обладает устрашающей мощью и развивается, доказывает, что начальная посылка книги неверна, что рассуждения автора противоречат и реальности, и его собственным выводам <...> и если Россия хотя бы на мгновение приняла бы тот облик, который приписывает ей г-н де Кюстин, она давно бы уже рассыпалась с ужасным грохотом» [Мильчина, Осповат, 1995, с. 274–275].

По убеждению С. С. Уварова, страницы возможного опровержения «России в 1839 году» должны быть «проникнуты глубоким знанием нашей страны и пониманием важнейших исторических принципов, лежащих в

основах ее устройства», что принципиально отвергнуто А. де Кюстином. В превратно-укороченной методологии последнего Россия, вынужденная на протяжении многих веков защищаться от агрессий мирового масштаба (в том числе и наполеоновской) и спасти Европу от азиатских вторжений, выставляется именно таким захватчиком по самой своей природе и как главная угроза западной цивилизации. Словно солидаризируясь с С. С. Уваровым, Тютчев полагает, что такой «водевильный» подход с его «противоречивой» и «перевернутой» логикой опровергается, по сути, полнотой исторического знания и его религиозно-философской интерпретацией.

Если сравнивать сочинение А. де Кюстина с «новой книгой г. Тиссо», то последняя, как пишет автор рецензии, есть «ошибки, неверности и неточности», а также «вздор» и «сказки», хвалебные «пристрастия». Но в целом она проникнута «симпатией к русским и ко всему русскому». «Всем нам хорошо известно какие небылицы и подчас даже мерзости печатаются за границей о России, сколько заведомой лжи и умышленных искажений можно найти в каждом таком сочинении, и потому чрезвычайно приятно, — я скажу даже радостно, — прочесть такую книгу как «*La Russie et les Russes*» par Victor Tissot. Сам г. Тиссо сознается, что на основании всего читанного им о России он думал, что в таможене будут распарывать его кальсоны, выворачивать карманы его платья, разрезать подметки его ботинок. Но что же оказывается на самом деле? Да то, что все происходит самым обыкновенным образом и с такою любезностью, какой не найдете даже в австрийских таможах, говорит г. Тиссо, причем никто из таможенных чиновников не получил и не требовал ни одной копейки. Очевидно, продолжает автор, что все читанное им о России «*n'édrait pas moins faux de ton et de couleur*». Посвящая одну главу (VI) описанию Бердичева и делая вполне верную и талантливую характеристику Евреев (гл. VIII), г. Тиссо наполняет первую часть своего труда описанием Киева, рисуя мимоходом тип казака и малоросса (гл. XII) и давая отчет о виденной им русской фабрике и пожарной команде (гл. XVII). Вторая часть сочинения, за исключением первых трех глав, посвящена Москве. Как и в описании Киева, так и в описании Москвы встречаются страницы, написанные с большим талантом и чрезвычайно поэтически; так, например, вид Киева в лунную ночь (гл. XIV первой части), вид Москвы á vol d'oiseau с Ивана Великого (гл. VIII второй части) и проч.; но еще художественнее и поэтичнее написана глава XI первой части «В степях». Следует думать, что г. Тиссо с большим вниманием читал Гоголя и вообще знаком с русской литературой; к слову сказать, он знаком, как видно, и с русской историей, что можно встретить в иностранцах весьма редко» [Там же].

Приведем цитаты из книги Виктора Тиссо, которые характеризуют отмеченные рецензентом особенности (здесь и далее перевод автора):

«Бердичев — ужасный город! Всё в нем и вокруг него производит впечатление упадка, гадости и смерти. Дома с облупившимися фасадами, покрывшимися грязными дощечками. Грязь, среди которой они построены, источает болезнетворные миазмы и пары, которые их разъедают и разлагают <...> Однако вот несколько новых домов, которые выступают среди всех этих лачуг, словно искусственные зубы рядом с прогнившими. Среди них встречаются бледно-голубые здания с небольшими пристройками и террасами. Под террасами магазины и лавки приоткрывают свои двери... На краю главной улицы располагается католическая церковь, возле которой каждое воскресенье

собирается много крестьян, солдат и евреев в серой, бесцветной и безрельфной массе. Плотники с длинными топорами подмышкой и подвешенными на плече калошами с безразличным видом ожидают своих нанимателей» [Tissot, 1882, p. 66–67].

«Только евреи вносят некоторое оживление в эту толпу, похожую на остановившееся стадо. В старой одежде они снуют туда и сюда, продают и обменивают, прерывая метким словом оцепенение мужика, который широко смеется, словно фавн, и показывает крепкие белые зубы на бородатом лице. Облаченный в шубу, прогуливается в толпе богатый еврейский коммерсант в окружении своих клиентов, маклеров, комиссионеров и приказчиков» [Ibid.].

«Кзаки формировали небольшие республики, независимые сообщества, которые наполняли беглые крепостные пустыри, монахи-расстриги, рецидивисты — люди, движимые духом бродяжничества, независимости и авантюры, потребностью постоянного передвижения и действия, жадной грабежа. Самыми знаменитыми были запорожские казаки, расположившиеся на каменистом острове посреди Днепра, в больших сараях. Когда они не сражались, то проводили время в веселых празднествах, пирушках, предавались оргиям и кутежам, нередко с трагической развязкой. На своих маленьких и быстрых лошадях эти дикие всадники налетали, словно грифоны, на города и деревни. Прячась в степных травах, которые полностью закрывали их вместе с лошадьми, они преследовали неверных, как охотник волка, и привязывали за волосы к седлу голову врага. Великолепный Константинополь, город с дворцами из золота и мраморными мечетями, притягивал их, как когда-то крестоносцев» [Ibid., p. 169–170].

«Русские пожарные, безусловно, лучшие и самые красивые пожарные в мире» [Ibid.].

«К десяти часам я прибыл в Киев. Мне настоятельно советовали взглянуть на этот город при лунном свете, чтобы увидеть необычный и неповторимый спектакль. Колокола византийских церквей, выделяясь на фоне неба полярной прозрачностью, сверкают, как ледяные вершины; голубые и звездные купола Святой Софии, Св. Андрея, Лавры отсвечивают как лазурные осколки, упавшие с неба; белые стены исчезают в тени темноты, как убегающие призраки, кресты сверкают и дрожат, как светоносные видения; высокие деревянные башни, барочной архитектуры, продлевают свои огромные тени на пустынные площади, и со всех концов деревьев, словно туманы, распространяют неподвижную и серебристую листву, а Днепр течет вдалеке, в ночи необозримой равнины, как блестящий зигзаг молнии» [Ibid., p. 219–220].

«Чем выше поднимаешься по колокольне Ивана Великого, тем более грандиозная и великолепная выстраивается панорама. Москва у ваших ног собирает и выставляет свои чудеса. Кажется, что медленно поднимаешься над городом, будто на воздушном шаре. С самой последней площадки взору открывается огромная столица, прекрасно расположенная на ступенях амфитеатра своих семи холмов. Никакое поэтическое воображение не может представить себе более замечательного спектакля. Со всех сторон, сотнями и тысячами, в ауре солнечных лучей сверкали подобно бриллиантам, сапфирам и рубинам, красные, голубые, серебристые колокольни. Они поднимались и расцветали как гвоздики, тюльпаны и георгины или острова многоцветья. Взору предстали более трехсот пятидесяти церквей со сверкающими под солнцем золотыми куполами. Вдали в розовой дымке выделялись башни, белизной и стройностью напоминавшие минареты [Ibid., p. 440–441].

«А дома с разукрашенными всеми красками радуги фасадами — от фиолетово-перламутрового цвета до бледного желтого! Всё это напоминает очаровательную простоту дворцов Венеции. Белые одеяла снегов на крышах оттеняют шумный колорит азиатского и византийского города» [Ibid.].

«Нет народа с более поэтической душой, нежели малороссы. И может ли быть иначе среди такой величественной природы, в таких великолепных и изменчивых, как море, степях, располагающих к бесконечным мечтаниям? При виде этих безграничных горизонтов, этого мощного солнца, освещающего золотистые колосья пшеницы и зеленые волны трав, при взгляде на эту прекрасную флору, которая внезапно, весной, бурно расцветает, словно лучезарный фейерверк! Под куполом звездных ночей, как сказочных ночей пустыни, что-то безотчетно вибрирует и поет в вашей душе; поэзия, молитва исходит из сердца и смешивается в вышине с воздушными песнями ласточек и жаворонков!» [Ibid.].

«Но придёт твоя весна, и ты расцветешь (Россия. — Б. Т.), так как корни твои живы и полны надежды. Ты ждешь, устремив глаза к звездам, зажигающимся над тобой. И, возможно, недалек тот час, когда, засучив рукава на волосатых руках и тряхнув густой шевелюрой, ты совершишь свое ужасное вторжение в Историю и сокрушишь Германца!» [Ibid.].

«Я полагаю, что материальное положение русского рабочего гораздо лучше, чем французского, английского и немецкого. Когда во Франции, Англии, Германии строились «буржуазные» дома, рабочие вынуждены были ютиться там в смрадных лачугах, скучиваться в узких комнатах без воздуха. Вся семья спала в одной комнате, которая одновременно служила ей и кухней. Русский рабочий квартируется так же хорошо, как и солдат; если он заболевает, его бесплатно лечит заводской врач. Его питание почти ничего не стоит ему. В России нет пролетариата. Рабочий это крестьянин, у которого в деревне есть кусок земли. И несмотря на свою слабость к водке, ему удастся экономить и посылать кое-какие деньги своим. Русские крестьяне проявляют значительную замечательную умелость и ловкость в своей профессии. Нужно их видеть, как они работают с деревом простым топором! Какая филигранная вырезка! Какая чеканка! Одним топором они строят целый дом без единого гвоздя! А кучера, простые мужики, как искусно они управляют своей упряжью! На дорогах с экипажами и санями почти не бывает никаких происшествий, даже в Петербурге, в самые оживлённые часы» [Ibid.].

«На службах в православных храмах нет никаких инструментов, и трудно себе представить более волнующую и выразительную музыку, нежели музыка человеческого голоса» [Ibid.].

«В России ничто не похоже на другие страны. Это страна контрастов в пейзаже, нравах, во всем», «странная страна, страна реальности и мечты, контраста и тайны» [Ibid.].

«Москва — это сердце и душа России, алтарь православной веры, очаг общей мысли, которая объединит однажды братьев-славян» [Ibid., p. 23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle francaise. 1839–1856. P., 1967.
2. *George F.* The Marquis de Custine and his «Russia in 1839». Princeton, New Jersey, 1971.

3. Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie. P., 1854.
4. Kennan G. F. The Marquis de Custine and His "Russia in 1839". Princeton, 1971. P. 124.
5. McNally R. Th. Das Russlandbild in der Publizistik Frankreichs zwischen 1814 und 1843//Forschungen für osteuropäischen Geschichte. 1958. Bd VI.
6. Tarn J.-F. Le marquis de Custine, ou Les malheurs de l'exacititude. P., 1985.
7. Tissot V. La Russie et les Russes: indiscretions des voyages. Paris, 1882. 8-ème édition.
8. *Tocqueville A. de*. Oeuvres complètes. P., 1951. T. I.
9. *Вяземский П. А.* Еще несколько слов о труде г-на де Кюстина «Россия в 1839 году», по поводу статьи о нем в «Журналь де Деба» от 4 января 1844 года//Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск, 1992.
10. *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 тт. Т. 4. Л., 1956–1959.
11. *Гердер И. Г.* Избр. соч. М.; Л., 1959.
12. *Гюго В.* Избранные произведения. М., 1928.
13. *Киреевский П. В.* О Шеллинге // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 1.
14. *Кожин В. В.* Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России // Москва. 1999. №3.
15. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Т. 2 М., 2000.
16. Литературное наследство. Т. 31–32. 1937.
17. *Мельгунов Н. А.* Шеллинг. Из путевых записок // Отечественные записки, 1839. Т. III. № 4–5.
18. *Мильчина В. А., Осоват А. Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: Нереализованный проект С. С. Уварова // НЛО. 1995. №13.
19. *Мильчина В. А., Осоват А. Л.* Комментарии // Кюстин, Астольф де. Россия в 1839 году. В 2 т. М., 2000.
20. Москвитянин, 1841. Ч. 3, № 6.
21. *Мяло К. Г.* Между Востоком и Западом: опыт геополитического и историко-софского анализа // М., 1996. №12.
22. *Никитенко А. В.* Дневник. М., Т. 1. 1955.
23. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4. СПб. 1889.
24. Славяно-германские исследования. М., 2000.
25. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
26. *Тарле Е. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. 1906. № 9.

Поступила в редакцию 7.12.2014